

Десятый остров. Как я нашла себя, радость жизни и неожиданную любовь

Автор:

[Диана Маркум](#)

Десятый остров. Как я нашла себя, радость жизни и неожиданную любовь

Диана Маркум

Хюгге. Уютные книги о счастье

Когда с работы уходишь с позором, а бойфренд намекает, что не готов к серьезным отношениям, хочется спрятаться от всего мира под одеялом и ничего не делать.

А можно, как героиня этой книги Диана Маркум, уехать на Азорские острова, где океан разбивается о вулканические скалы, киты пускают в воздух струйки воды, пышные шапки гортензий украшают обочины горных дорог, по главным улицам бегут быки, а новости распространяются со скоростью ветра.

Но любое путешествие, даже самое замечательное, рано или поздно заканчивается. Или нет?

Спустя годы, вернувшись на остров своей мечты, Диана вновь находит вкус к жизни, обретает настоящих друзей и неожиданную любовь.

Диана Маркум

Десятый остров. Как я нашла себя, радость жизни и неожиданную любовь

Diana Marcum

The Tenth Island: Finding Joy, Beauty, and Unexpected Love in the Azores

© 2018 by Diana Marcum. All rights reserved

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Посвящается Бев и Марку

«Меж всем несбыточным и всем, что повидал».

Джозеф Артур, In the Sun

Примечания автора

В Атлантике действительно есть остров, где каждое лето по главным улицам бегут быки и к каждому жителю приезжают гостить родственники из Калифорнии. Мерфи (его на самом деле так зовут) действительно все это ел. Буку (на самом деле его зовут не так) действительно прошиб холодный пот. Вулканы, исторические факты, рассказы, чудеса природы и невероятные совпадения в этой книге – все это правда. Хотя мне даже теперь трудно в это поверить.

Дома, в Калифорнии, у меня есть коробка, битком набитая репортерскими блокнотами. Их страницы старательно заполнены фамилиями, указаниями на возраст и прямыми цитатами.

Но я не то чтобы активно ими пользовалась.

Мое намерение – написать журналистскую книгу об азорской диаспоре – где-то посреди дороги свернуло в сторону. Так что, хоть я и работаю журналисткой, это не журналистская – в полном смысле слова – работа.

Диалоги изложены по памяти и с моей точки зрения. Я использовала только имена (не фамилии) или прозвища или придумывала совершенно другие имена, а заодно меняла и некоторые личные подробности. Ибо, хотя всем было известно, что я – писатель, у многих людей, ставших персонажами этой книги, не было никаких причин полагать, что я стану писать о них.

Это ни в коем случае не полный рассказ об узах между Азорами и Калифорнией. Зато до невозможности нежный.

Диана Маркум

Часть первая

Амбарная вечеринка

Теперь это кажется невероятным – типа как вспомнить времена, когда я не умела читать или когда у меня не было шрама под коленкой, оставшегося после падения с велосипеда, – но я ни разу не слышала об Азорских островах к тому моменту, когда штатный фотограф «Фресно Би» бросила на мой письменный стол фотографию мужчины с плугом, запряженным двумя быками.

В Калифорнии. В двадцать первом веке.

Этот мужчина на фото стоял на плоской тележке. Прижимал к уху сотовый телефон и энергично жестикулировал другой рукой. Позади него взвивались

огромные тучи пыли.

– Обожаю эту фотку. Я сделала ее, проезжая мимо, – пояснила фотограф. – Как думаешь, нароешь историю?

– Безусловно, – заверила я. Да как же здесь могло не быть истории?

Через пару недель я была на пути к дому пахаря, собираясь взять у него интервью. Я ехала на ранчо в округе Туларе, в ту часть Калифорнии, где все большое. Большие грузовики, большие пряжки на ремнях, большие молочные хозяйства, большие силосные башни, и трактора, и погрузочные платформы. Это было до большой засухи в Калифорнии, и даже оставленные под паром поля сияли весенней зеленью. Я видела заснеженную шапку Сьерра-Невады. Потом, когда снег пропал, как и не было, я жалела, что тогда не всматривалась в него пристальнее. Какое-то время казалось, что он уже не вернется никогда, и я хотела быть уверена, что останется хотя бы воспоминание о нем.

В доме никого не оказалось, и я растянулась на лужайке рядом с белой изгородью. Надо мной простиралась широкая полоса неба с облаками, менявшими форму, точно перевертыши. О знойной плоской равнине посреди Калифорнии во все остальные времена года говорят, что хотите. Но в апреле, после добрых дождей, на мой взгляд, невозможно найти более подходящего места, чтобы развалиться на травке, настолько зеленой, что никак не понять, то ли это небо действительно такое синее, то ли смотрится ярче по контрасту с травинкой, которую вертишь в пальцах перед глазами.

Неделя выдалась бурная, и мне пришло в голову, что при каком бы то ни было кризисе хорошая идея – улечься на землю под открытым небом и смотреть вверх.

На гравийную дорожку вырулил грузовик. Водитель вышел из кабины и представился, так буйно жестикулируя, что я тут же поняла: он тот самый, кто мне нужен.

Это был Морайш, жилистый, энергичный португальский иммигрант. Если и есть на свете человек, у которого каждое слово звучит с заглавной буквы и с восклицательным знаком, то это Морайш. Быков звали Аманте и Бриллианте. Между ними было явное сходство, оба – красные голштинцы с белой звездочкой

на лбу. Они еще не полностью возмужали – двухлетки, бычки-подростки, весившие каждый больше 800 килограммов. Морайш отдавал им по-португальски команды – налево, направо, – и они слушались. И включал своим любимцам на ночь радио на португальском языке, чтобы им не было одиноко.

Я попросила Морайша провести этот день как обычно, а я буду наблюдать.

– Вем пара ка (идите сюда, ко мне), – сказал он быкам по-португальски, и они подошли.

Он поднял деревянное ярмо, вырезанное одним из его кузенов, и надел им на шею. Прикрепил его к платформе, стоявшей на шести резавших землю металлических дисках. Поднял высоко перед собой палку и зашагал вперед, точно тамбурмажор [1 - Тамбурмажор – главный полковой барабанщик во французской и некоторых других (австрийской, русской, шведской) армиях.], а быки шли вслед за ним в ногу.

Он дрессировал их, не прибегая к методу кнута и пряника. С самого телячьего возраста выгуливал своих бычков, учил командам «налево», «направо», «стоять», используя палку как визуальную подсказку.

– Эти животные такие умные, не поверишь! И они меня любят. Эти быки любят меня. Если я готов идти – они готовы следовать за мной, – говорил он.

Аманте лизнул его, словно подтверждая сказанное.

Морайш обходил свое поле с палкой в руке. Быки тащили за ним платформу с дисками, взбивая тучи пыли; те оседали, являя глубокие борозды. Солнце сияло как апельсин. Мужчина, животные и вывороченная земля напоминали фреску времен Великой депрессии, прославляющую крестьянский труд прошлого.

Через некоторое время Морайш остановился, подбежал к переносному холодильнику, схватил банку пива, вскрыл ее и запрыгнул на платформу, чтобы завершить вспашку.

Постучал палкой по латунным наконечникам, защищавшим бычьи рога.

– Левантен а кабеса (подними голову), – сказал он им, и они повиновались.

Зазвонил его телефон, и Морайш покатился на платформе по полю, ведя деловой разговор и ловко управляясь с пивной банкой, телефоном и двумя быками. Кто-то проехал мимо на пикапе, и Морайш помахал водителю рукой с зажатым в ней телефоном.

Морайшу с быками потребовалось три часа, чтобы вспахать участок, на который у трактора ушло бы сорок пять минут. Это включая перерыв для того, чтобы дать быкам отдохнуть, пока он сам потягивал ледяное пиво из второй банки.

– Это намного труднее. Это настоящая работа. Но поверь, я со своими быками намного счастливее, чем был бы с трактором, – говорил он мне.

Закончив намеченную на день работу, Морайш спрыгнул с платформы, точно гимнаст, в момент приземления вытянув руки над головой.

– Это моя жизнь! – воскликнул он.

Морайш сказал, что по утрам занимается перевозкой скота ради заработка и очень неплохо этим живет. Он вполне мог бы позволить себе трактор. Но быки – его связь со «старой родиной», которую он покинул подростком: с Азорскими островами, девятью клочками португальской земли, окруженными Атлантическим океаном как минимум на полторы тысячи километров в любую сторону. Поэтому он пахал так, как пахали в его детстве на островах – и, по его словам, по-прежнему пашут сегодня.

Морайш вытащил из перчаточного отделения своего грузовика потертый красный фотоальбом и стал показывать мне фотографии зеленых азорских полей, разделенных изгородями из сиреневых гортензий. Показал волны, разбивающиеся о черный вулканический камень, и свой старинный каменный дом у моря, дом, в который он возвращался каждое лето.

– Воздух там такой чистый, такой славный! Океан прямо под боком. Рыба свежая, лови да ешь, и картошечка настолько хороша – ты не поверишь! Мы сами делаем вино. Надеваем шорты, лезем в бочку и давим грозди. Когда пьешь его молодым, оно сладкое, как сок. Каждый год мы возвращаемся оттуда растолстевшими, – рассказывал Морайш.

Он так любил свой дом на Азорах, что в конце каждого лета, уезжая, просил кого-нибудь другого запереть за ним дверь.

– Я – парень со старой родины. В Штатах я и пяти минут не учился, однако работаю и хорошо зарабатываю. Я люблю свои деньги. Благослови, Господь, Америку, – говорил он. – Но когда я уезжаю оттуда и за мной закрывают дверь, я плачу как младенец. Из всех сил стараюсь сдержаться, но все равно плачу.

Морайш сказал, что на следующих выходных устраивает вечеринку и, если я хочу увидеть маленький кусочек Азоров, мне следует приехать и взять с собой друзей. Я не смогла бы использовать эту оказию для своей статьи: к тому времени ее бы уже напечатали. Но мне было все равно. Я захотела увидеть этот праздник.

Мой ближайший сосед Дональд, пишущий для газеты статьи об искусстве и культуре, больше интересовался Бродвеем, чем быками. Но в ту субботу я взяла в осаду его и своего бойфренда Даса, высокого, стеснительного дизайнера, увлекавшегося книжками об эволюции форм вешалок-плечиков. Мы вместе вышли из моей маленькой «Тойоты» на ранчо, забитое белыми пикапами-переростками. По дороге тянулся хвост торжественной процессии – волы с украшенной цветами сбруей и ансамбль гитаристов. Морайшу не нужно было ни перекрывать дорогу, ни получать разрешения: все люди примерно на двести миль в округе были друг другу кем-то вроде родственников: типа «невеста моего сына – племянница его брата». Кто стал бы жаловаться?

Рядом с амбаром мужчины азартно болели за участников игры «бычий тяг», которая полностью соответствовала своему названию: два быка тянули веревку в противоположных направлениях. Этакое бычье перетягивание каната.

Потом молодые парни, владельцы грузовиков-пикапов, стоивших столько же, сколько типовой коттедж у дороги, заспорили о мощности своих двигателей. Не успели мы оглянуться, как о быках все забыли и стали сцеплять грузовики. Покрышки стонали. Люди радостно вопили.

Нам вручили пластиковые чашки с ледяным «Будвайзером» и не давали им опустеть. Еще пару кегов спусти ядро, надетое на шеи быков, оказалось на мужчинах. Они сбросили рубахи, прикрепили цепи и стали тянуть в разные стороны изо всех сил.

Пара за парой состязались по колено в грязи, пока не валились с ног. Мы с Дональдом глаз не могли отвести от потных мужиков. Даже Дас, казалось, был заморожен, пусть и по иным причинам.

Но тут нас окружили хихикающие женщины, пожилые, в скучных, бесформенных черных платьях. Замахав руками, они подозвали к себе одного из молодых парней, стоявших в толпе болельщиков «бычьего тяга», чтобы тот переводил. Какой из этих мужчин мой муж, желали они знать. Некоторые грозили пальцем – не поймешь, то ли моему другу-гею, то ли метросексуалу-любимому. Я сказала в ответ, что оба – мои любовники, и они расхохотались.

Я спросила нашего добровольного переводчика, почему все эти женщины в черном. Парень сказал, что это вдовы, но та из них, что лишилась мужа последней, овдовела уже лет двадцать назад, да и вообще он ей никогда не нравился. Тогда я спросила, у какой из вдов было больше всего любовников. Они рассмеялись и дружно указали на женщину, которая явно была намного старше остальных.

Оглянувшись по сторонам, напрасно старалась найти хоть один признак того, что я все еще в Калифорнии. У меня возникло ощущение, будто я перенеслась в этакий азорский Бригадун [2 - Мифическая деревня в Шотландии, появляющаяся на один день раз в сто лет. – Здесь и далее примеч. пер.] – деревню вне места и времени. Все разговоры и восклицания, так и вихрившиеся вокруг, были на португальском. В тот вечер после сытного ужина из сопаш – супа, который разливали половниками из огромных котлов, лингуиса (колбас) и португальских хлебов и сыров празднующие переместились в амбар, где начались танцы. Стены были завешаны скатертями с изображением девяти Азорских островов. Так вышло, что впервые карту этих мест, впоследствии приобретших такую власть надо мной, я узрела на скатертях для пикника.

Остров Морайша – Сан-Жоржи, длинный, тонкий овал в центре карты-скатерти, дрейфующий между ананасом, мельницей и китом. Заключительным танцем вечера в освещенном свечами амбаре была шамарита – народный танец его острова. Настроение празднующих изменилось. Зазвучала музыка, медленная и темная. Танцоры делали шаг, другой. Останавливались и дважды хлопали в ладоши. Это был скорее ритуал, чем танец.

У Морайша глаза были на мокром месте, когда он вернулся к нам, завершив танец с подругой детства. Казалось, будто у всех танцоров стоял ком в горле.

Я разговаривала с серьезной девочкой-подростком, которая рассказывала мне о своей увлеченности азорскими народными танцами. Я спросила ее, почему танцоры плачут.

– Думаю, они ностальгируют о чем-то своем, дорогом. Это могут быть совершенно неочевидные для нас вещи, – ответила она.

Я не могла перестать думать об этом вечере. Не давали покоя вопросы об островах, раскинувшихся прямо посреди Атлантики. Погрузившись в себя, я осознала, что у меня всегда была слабость к островам. Когда-то давно, двадцатилетняя я, застрявшая в замкнутом круге «официантка – продавщица книжного магазина» и жившая в квартире, где тараканы разбегались по углам, стоило включить свет на кухне, повесила на стену спальни плакат с греческими островами. Белоснежные стены на фоне голубого простора моря. Острова – распространенный символ бегства. Или, возможно, для меня они олицетворяли ощущение, что я сама живу на острове, отдельно и в одиночестве.

Я стала читать и нашла Азоры почти в самом начале составленного National Geographic списка неиспорченных островных территорий мира. Свои баллы они заработали за «первозданность, которая, вероятно, такой и останется».

Их защищает отсутствие инфраструктуры, необходимой для прибрежного туризма: курортов, пляжей с белым песочком и последовательно теплой погоды. Говорят, на Азорах все четыре времени года присутствуют каждый день.

Они всегда были в стороне от остального мира. Эти острова то появляются на старинных картах мира, то снова исчезают на целые столетия, теряясь в туманах и морских течениях. За эти столетия чем их только не считали – то остатками затонувшего континента Атлантида, то последним царством лузиадов, основанным Лузом, сыном Вакха, бога вина. Некоторые азорцы говорили мне, что считают своих предков попавшими в опалу португальскими вельможами и внебрачными сыновьями знати. Другие думали, что первыми обитателями островов были крестьяне, привезенные с материка против их воли, чтобы колонизировать эти земли. Недавние археологические находки позволяют предположить, что существовали еще более ранние, неведомые обитатели,

которые исчезли задолго до прибытия португальцев. Что поднимает вопрос о том, как люди ухитрялись добираться до середины океана, прежде чем в известной нам истории появились парусные суда.

Мифы льнут к Азорам, точно туманы к их вулканическим пикам. Это место, где люди уверяют, будто намедни болтали с человеком, который умер пятьдесят лет назад, словно зашли перемолвиться словечком с соседом, живущим на той же улице. Даже современные открытия связывают Азоры с другим, неведомым миром: когда на вулканическом хребте Пику в 2013 году была найдена редчайшая орхидея, британский ботаник Ричард Бейтман сказал, что исследователи описывали эти места как «затерянный мир».

Марк Твен упомянул Азоры в своих «Простаках за границей», но ограничился словами: «Из всего экипажа судна не нашлось ни единого человека, который знал бы о них хоть что-нибудь».

Некогда с этих островов возили апельсины в Англию, но главным экспортным товаром Азоров всегда были люди. Около миллиона человек, рожденных на Азорах, и их потомков живут в Северной Америке – это вчетверо больше, чем общее население всех девяти островов. В последнюю волну массовой миграции, между 1958 и 1980 годами, более трети азорского населения снялось с места, спасаясь от извержения вулканов, нищеты и правительственной диктатуры. Многие из этих людей родом с острова Терсейра поселились в земледельческой Центральной долине Калифорнии, их общим увлечением стало разведение коров. И на «старой родине», и на новой азорцы владеют молочными фермами и кормятся за их счет.

Азорские эмигранты томились ностальгией. На самом деле это еще слабо сказано. Есть такое португальское слово саудади, у которого, как думают азорцы, нет перевода. Это нечто большее, чем просто ностальгировать или скучать по кому-то. Это жажда, которую нельзя выразить ни на одном другом языке. Это, как выражается один мой азорский друг, «чисто португальское слово».

Говорят, оно как-то связано со смертью, но в основном все же с жизнью и, возможно, еще с океаном, и, вероятно, со временем. И единственный способ понять саудади – это послушать фаду: португальские печальные песни. Или точнее, песни томления.

Так что в Калифорнии – так же как раньше вокруг Бостона и Торонто – неприкаянные азорцы, преисполненные саудади, воссоздавали островную жизнь, насколько это было в их силах. В изолированных фермерских городках они устраивали фаду-концерты и праздники, с религиозной точностью следуя традициям. Даже их язык, приправленный выражениями сорокалетней давности, своего рода скачок в прошлое.

Каждое лето полные самолеты азорцев возвращаются на острова. Они живут в своих фамильных домах. Вспоминают и старую любовь, и старую вражду, и семейные узы.

Несколько жарких летних сезонов подряд я наматывала километры, разъезжая по пыльным дорогам Центральной долины, где коров больше, чем людей. Таинственно пустые закусочные-дайнеры. Грузовики, месяцами припаркованные на одних и тех же местах. Я тоже много лет томилась по вещам, пропитанным прошлым, отныне навеки недостижимым. Теперь наконец я поняла, куда все они уходят. И, возможно, нашла слово для чего-то внутри меня, про что я даже не знаю, что это такое.

Саудади.

Самое дно

За день до своего первого визита на ранчо Морайша я бревном лежала на диване во Фресно.

Все одеяла, какие только были в доме, я свалила на себя, перенеся бремя своей застывшей карьеры в удушающую грудку шерсти, флиса и пышных пуховых стеганок. Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что как раз тогда была просто обязана заподозрить, что вот-вот наткнусь на что-то большое и важное – скажем, на слухи о потерянной Атлантиде. Славные истории почти всегда начинаются с того, что герой оказывается на самом дне.

В начале той недели в приступе праведного гнева я звучно шлепнула черновик статьи на стол главного редактора газеты, где трудилась репортером. Затем

вышла из его кабинета и из здания редакции – чтобы больше не вернуться (во всяком случае, я так говорила себе).

Я в курсе, что люди, склонные к таким вспышкам, часто втайне гордятся этой своей чертой. Но это не про меня. Я недостаточно решительна, чтобы швыряться предметами, ибо всегда вижу каждую головоломную ситуацию с 1372 сторон. Неудивительно, что все мои свитера серого цвета. Одна моя наставница в профессии как-то раз велела мне не слишком много улыбаться во время совещаний (или, в ее терминологии, «не скалиться точно ненормальная идиотка»).

Так что после этого срыва я не испытывала никакой пламенно-штормовой гордости за себя – я медленно шла ко дну, точно пьяница на пуховой перине. Раздался стук в дверь, который я проигнорировала. Мой сосед и коллега Джек Бука продолжал стучать, пока наконец я не выползла из-под одеял и не впустила его. Всегда называла его по фамилии – Букой; мне казалось, она удачно описывает его темперамент. Его-то уж точно никто не научил не улыбаться слишком много.

Он работал фотографом на том злосчастном проекте, оказавшемся в центре редакционного скандала. Мы вместе наезжали в наркоманский городок на голой полосе калифорнийской Центральной долины. «Добро пожаловать в Ад», – гласила надпись, выведенная краской из баллончика на знаке со сведениями о населении городка. Мы «упали на хвост» трем женщинам в грузовике компании U-Haul, возвращавшимся в Арканзас, откуда приехали их семьи во времена Великой депрессии. Это была обратная миграция «пыльного котла» [3 - Серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 гг. и вызвавших массовое бегство жителей Техаса, Оклахомы и окружающих Великих равнин в соседние регионы.], и мы следовали за ними по шоссе 66 к прокуренным ресторанчикам Denny's, и мотелям Super 8, и городкам, в которых на завтрак подают жареную рыбу.

В том фиаско был в некоторой степени виновен Бука. Он показывал мне подписи, сопровождавшие его фотографии для газетного материала. Я велела ему изменить ту, в которой говорилось, что женщина по имени Брауни была жительницей городка Альпо. Она родилась в Альпо, бо?льшую часть жизни прожила в Альпо; в Альпо жила ее семья. Но в то время, когда женщина решила ехать на восток, она уже жила с бойфрендом в расположенном по соседству городке Ривердейл. Бука забыл об этом, и я жирно обвела заголовок в гранках

красной ручкой, потому что хотела, чтобы все было идеально.

Подготовкой того материала мы занимались как раз в то время, когда выяснилось, что один из репортеров «Нью-Йорк Таймс» фабриковал свои статьи, рассказывая о местах, где никогда не был. Редакторы повсеместно напряглись и были настороже.

Старший редактор увидела изменение подписи к фото и восприняла это как доказательство того, что я придумала связь Брауни с Альпо и что она поймала собственного врунишку-репортера. Я указала ей, что красной ручкой водила моя рука – и не то чтобы делала это втихую, – но в ответ получила выговор.

Старший редактор, задрав нос, заявила, что они придержат статью и перепроверят каждое слово.

– Ну и на здоровье! – рявкнула я, ощутив, что это такое, когда тебя трясет от ярости (капельку подташнивает).

Благодарение Богу за Буку! Он был рядом во время каждого разговора, описанного в статье. Большую часть времени он нас не слушал: у него была привычка отключаться от всего вербального и превращаться в камеру всем своим существом. Но его фотографии поддерживали меня, документируя каждого упомянутого человека как реального. Если бы не одна тупая ошибка с моей стороны, все было бы в порядке. Но мне редко удавалось написать статью без того, чтобы не проснуться после ночью в холодном поту, страшась, что я допустила эту тупую ошибку. Это было самым худшим в моей работе.

Я рассказала Буке, что история, над которой мы работали два месяца, на неопределенное время отложена.

– Ой, да ладно, выйдет же она в конце концов, – ответил он, пожав плечами.

Каков негодяй! Я говорю ему, что начальство наносит удар по моей репутации, а он отвечает на это предательство «ой, да ладно»?!

Я ощутила, как нарастает решимость. Исправить свою жизнь. Даже, может быть, в какой-то момент встать с дивана. Я должна была выбраться из всего этого,

иначе превратилась бы в Буку – полное отсутствие жизненной энергии. Вечное пожимание плечами.

– Что это у тебя волосы так потемнели? – осведомился он.

– Пару дней не была в душе, – призналась я. – Для этого пришлось бы встать с дивана.

– А, так это кожное сало? – спросил он, явно заинтересованный.

– Да, – кивнула я.

– Выглядишь ужасно, – заключил он.

Бука не из тех, от кого дождешься утешающих объятий. Он неловко похлопал ладонью по одеялам где-то в районе моих ступней.

– Ладно, Маркум, ты тут поосторожней, – сказал он, уходя. – Возможно, тебе стоит попытаться сбросить парочку одеял.

После его ухода я вернулась к увлекательному разглядыванию полосок на стене, которые нарисовало вечернее солнце, проглядывая сквозь оконные жалюзи.

Самое странное, что в моем прошлом были настоящие душевные травмы, так что, по идее, я должна быть привита против обыденных редакционных интриг, а не валяться в прострации на диване. Но это так не работает.

У меня есть всякие теории о жизни: «теория кровати с пологом», «теория дня стрижки» (еще она известна как «теория лучшей погоды в последний день отпуска»). Я нахожу утешение в кодификации и именовании жизненных феноменов. Одну из своих первых теорий – «теорию бумажных порезов» – я придумала еще в подростковом возрасте, после смерти родителей, чтобы объяснить себе, каким образом что-то может волновать меня после того, как я пережила это.

Теория бумажных порезов

Эта теория утверждает, что крохотные ранки, нанесенные плохими начальниками, разбитым сердцем и тому подобными вещами, жалят сильнее, чем настоящая скорбь. Все дело в разнице между глубокой, пульсирующей раной и порезом от бумаги. В коже наших пальцев сосредоточено больше нервных окончаний, потому что с их помощью мы исследуем мир. Поэтому порез, нанесенный бумажным листом, причиняет адскую боль. В то же время, как полагают ученые, наше тело знает, что он не несет угрозы жизни, поэтому все естественные защитные механизмы, такие как выброс эндорфинов, не включаются в работу. А поскольку бумага имеет микроскопические зазубрины, она оставляет рваный порез. В отличие от чистого пореза бритвой, который способен убить нас.

Мой отец, Уилбур Айра, который вполне объяснимо откликнулся на имя Марк, был рабочим-сталелитейщиком и механиком из Кентукки с образованием в четыре класса школы. Будучи высоким для своего возраста, он украл свидетельство о рождении одного из старших братьев и вступил в армию, когда ему было четырнадцать. Он сделал это, чтобы вырваться из нищеты, которая, по его словам, была хуже свиного дерьма и прилипчивее патоки. Полностью спастись ему так и не удалось. Как он говорил, бедность в нашей семье – наследственное. Он был ранен во время корейской войны. Когда мать злилась на отца, она доставала из шкатулки его Пурпурное сердце [4 - Военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.]. По ее словам, оно напоминало ей, что мелочи не имеют значения.

У моего папы на любой чих находилось свое присловье. Я знаю, какое из них он вытащил бы в этом случае: «Все на свете существует и в дешевом варианте». То есть не давай себя обдурить подделкой.

Так что же, стоило так тревожиться из-за возможной потери работы? Было ли это вопросом жизни и смерти? Нет. Я была репортером региональной газеты среднего пошиба. Официанткой, разнося коктейли, я зарабатывала больше и при необходимости могла бы заняться этим снова. Но это было нечто большее, чем бумажный порез от начальства: я потерпела провал в двух единственных вещах, в которых считала себя мастером, – в литературной работе и сохранении необоснованного оптимизма.

Если твои родители жертвовали и старались, но мир на каждом шагу расплющивал их в лепешку, и умерли они молодыми, тебе вроде как полагается каким-то образом сделать все это осмысленным, сделать так, чтобы их жизнь что-то значила.

А я валялась на диване с невымытой головой, страшась следующего дня. Моей фантазии о себе необыкновенной досталась серьезная трепка.

Я старалась собрать себя по кускам, прибегая ко всем известным детским гамбитам по очереди. Я это преодолю. Нет, ну а что, ведь эти люди мне не начальство. Ладно-ладно, пусть технически это так. Но я стану разговаривать с ними, только если они со мной заговорят, точно угрюмый подросток. Сосредоточусь вот на сочинении рассказов, которые вряд ли привлекут еще чье-нибудь внимание, зато привлекают меня. (Это я не к тому, что рекомендую уход в себя и надутые губы как общую карьерную стратегию.)

Я ходила в начальную школу в те времена, когда в Калифорнии было модно экспериментальное образование. Мы слушали аудиозаписи книг и вырезали по мылу, а наша учительница Пэм приносила в класс гитару и разучивала с нами песни, на которые можно было опереться в моменты, как она выражалась, эмоционального дистресса. В память о Пэм я врубила на полную громкость ее коронный номер, старую песню Саймона и Гарфанкела: «Я – скала. Я – остров... а острова не плачут».

Потом я поднялась с дивана, вымыла голову, поехала в молочный округ Калифорнии, где познакомилась с Морайшем, и начала мечтать о том, чтобы побывать на острове, а не быть им.

Капелиньош

Если растешь в Калифорнии, то рано узнаешь, что жизнь среди великой красоты сопряжена с великим риском. Наши залитые солнцем горы, плодородные долины и сверкающие прибрежные города уязвимы для пожаров, наводнений и землетрясений. Попробуйте найти хоть одного калифорнийца, которому не приходилось бы спасаться бегством. Вулканические Азоры тоже не понаслышке знакомы с природными катастрофами. Узы, связывающие острова и

Соединенные Штаты, сотворены лавой.

16 сентября 1957 года у побережья Фаяла произошла серия незначительных подземных толчков. Никто не обратил на это внимания. 27 сентября дежурный на вахте одной из вижиаш – точек наблюдения за китами – увидел водовороты в воде и подал сигнал о том, что замечена стая китов.

Это были не киты.

Вода словно вскипела. Смотрители маяка и моряки в порту у мыса Капелиньош пустились бежать. Примерно в полумиле от берега в океан забил гигантский белый фонтан. Три дня спустя он выглядел как облако-гриб от атомного взрыва. Пар и черный пепел взлетали на 1000 метров в воздух. Целый месяц слышались гулкие взрывы, к небу поднимались устрашающие тучи пара и грязи.

Из моря вырос новый остров в триста футов высотой. Трое репортеров подошли к содрогавшейся земле на весельной лодке, и один из них – в нежурналистском порыве национализма – установил на ней португальский флаг.

Месяцами сыпался пепел, формируя наносы столь тяжелые, что они проламывали черепичные крыши, накрывали поля и уничтожали урожаи Фаяла. Люди ходили по улицам с зонтами, защищаясь от черного дождя. Вулканический пепел сформировал перешеек, соединивший вулкан и Фаял. Тучи пыли застили солнце, вычернив небеса над всем архипелагом.

Ночью 12 мая более 450 подземных толчков сотрясли Фаял. В церквях яблоку негде было упасть. На одном из утесов женщины, одетые в традиционные капаш – черные плащи с капюшоном, наследие прежних веков, – смотрели на море и стенали. Некоторые бросали в океан приношения – четки из бусин. Многие люди не рассчитывали пережить эту ночь. Но никто не погиб.

Через два дня после землетрясений в небо взметнулась лава. Взрывы были слышны на острове Флориш, в 200 километрах от Фаяла. К августу конус достиг высоты 150 метров, и Фаял стал почти на 2,5 квадратного километра больше, чем прежде. В том же октябре вулкан «уснул», и с тех пор его сон оставался непотревоженным – хотя вулканологи по-прежнему считают его активным.

Это извержение обернулось для многих покупкой билетов в Америку.

Азорцы были связаны с Соединенными Штатами с самого начала. Петер Франсишку, названный португальским Полом Баньяном [5 - Вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.] за богатырскую статью и силу, участвовал в войне за независимость и, если верить легендам, однажды унес пушку, взвалив ее на плечо, чтобы она не досталась врагу. Джон Филип Суза написал «Звезды и полосы навсегда» на борту парохода, шедшего с Терсейры в Соединенные Штаты, навеки соединив азорскую любовь к духовым оркестрам и американскую историю. К 1920-м годам в США процветали азорские общины, и их пополнял непрерывный приток новоприбывших.

Америка издавна делилась на тех, кто видел ее силу в разнообразии, и тех, кто боялся пришельцев извне и перекладывал вину во всех социальных грехах на самую недавнюю волну мигрантов.

В середине 1800-х антииммигрантская партия «незнаек» [6 - Know Nothing Party; на вопрос о деятельности партии ее представитель должен был отвечать «ничего не знаю».] ополчилась на ирландских и немецких иммигрантов, изображая католицизм как мировоззрение, подрывающее американские ценности. В 1920-х возмущение сосредоточилось на иммигрантах из Южной и Восточной Европы. Был проведен ряд законодательных мер, нацеленных на недопуск в страну бедных и необразованных людей. Иммиграция с Азорских островов существенно сократилась.

К 1950-м, через сотню лет после создания США, стихи, высеченные на пьедестале статуи Свободы, все еще находили малый отклик у законодателей. Эти слова – «Пришлите мне и нищих, и усталых, / И жаждущих свободой дышать» – были написаны Эммой Лазарус, американской поэтессой из семьи беженцев, португальских евреев. Даже в самые жестокие дни фашистского режима в Португалии, когда интеллектуалов и художников похищали и пытали, когда люди умирали от голода, ежегодная квота для португальских иммигрантов составляла 503 человека.

А потом взорвался Капелиньош.

Законодатели, в чьих округах оказались избиратели с португальскими корнями, включая тогдашнего сенатора Джона Ф. Кеннеди, добились разрешения на въезд в Соединенные Штаты для тысяч азорцев по Законам о беженцах с Азорских островов от 1958 и 1960 годов. Иммиграционная реформа 1965 года

открыла двери большому числу иммигрантов и облегчила получение визы людям, имевшим родственников в Соединенных Штатах.

На Азорах все еще царила бедность. Семьи отчаянно пытались уехать, прежде чем их сыновей заберут в армию и отправят воевать в Анголу и другие колонии.

Такова была история происхождения общин, с которыми я познакомилась в Центральной Калифорнии. Большинство их жителей прибыли в страну в семидесятых.

Более «свежая» связь образовалась благодаря португальскому самолету, который вылетал из международного аэропорта Окленд каждый понедельник с мая по сентябрь и направлялся на Терсейру – остров с наибольшим числом родственных связей с Центральной долиной. Самолет каждый раз летел заполненный до отказа. Обратный рейс прибывал по средам.

Я предложила написать статью о том, что происходит в аэропорту во время этого исхода на родину, и газета согласилась (необходимость получать зарплату удержала меня). Так что теперь я сидела в большом черном внедорожнике с Фрэнком Серпой, его женой Фернандой и их помощником-на-все-руки Джо, который был за рулем. В телерекламе, которую показывали поздним вечером, Фрэнк был «Серпаменом», супергероем, летящим по воздуху в развевающемся плаще, чтобы помочь вам заключить отличную сделку в одном из своих автосалонов. Фрэнк показывал мне видеозаписи, на которых за ним гнались быки – ради этого он возвращался на Азоры каждое лето.

– Смотри! Смотри! Этот бык гнал меня пинками в зад до самой кухни! – рассказывал он.

И действительно, Фрэнк-на-экране перемахнул через невысокую стену и вбежал в здание, по пятам преследуемый быком, который тоже перескочил через стену.

– Только так можно почувствовать себя молодым! – заключил он.

Сидевшая впереди Фернанда обернулась и подмигнула мне.

Фрэнк показывал мне тоурада а корда – дословно «быка на веревке». Это коррида, но не испанского типа, где быка убивают, а опасность ограничена пределами арены. На Терсейре быка старинной породы, крайне агрессивной, выпускают на волю на центральной улице городка. Ну, почти выпускают. Семь пастухов – паштореш – в белых рубашках с пышными рукавами и в плоских черных шляпах держат веревку, к которой привязан бык.

Если бык бросается вперед во весь опор, вызываясь разодетые мужчины на другом конце веревки попросту волочатся за ним – это я впоследствии видела своими глазами. Их так и мотает по всему городку на буксире в одну бычью силу. Чаще бык бросается в сторону или, развернувшись, несется к своим поводырям. В этом случае веревка провисает и становится бесполезной, а главная опасность для зрителей – оказаться сбитыми с ног прытким пастухом, перемахивающим через стену в единственном мощном рывке к спасению.

Пословица гласит: *A primeira pancada e sempre do touro* – «Первый удар принадлежит быку». Иногда, если все семеро мужчин работают в идеальном ансамбле и веревка не слишком запутывается, им удастся оттащить быка от жертвы к третьему или четвертому удару. Пастухи здесь не для того, чтобы защищать людей. Они здесь для того, чтобы позаботиться о быке, под конец битвы загнав ценную «звезду» шоу обратно в клетку для перевозки.

Все лето каждый вечер где-нибудь на острове да устраивают бой быков на веревке. Иногда даже до трех за один вечер. Ни одна уважающая себя деревня не даст лету пропасть зря, не устроив у себя собственный безумный спектакль. Люди приколачивают хлипкую фанеру поверх стен, отделяющих их красочные, ухоженные дома от улицы. В день мероприятия закусовые на колесах торгуют пивом и бифанаш – пряными свиными котлетами с томленным луком на припыленной мукой булочке. Люди гроздьями свешиваются из каждого окна, теснятся в каждом дверном проеме. Уличные разносчики расхваливают сладости. Девушки сидят на стенах и флиртуют с парнями, стоящими на улице. Мужчины размахивают бутылками португальского пива и бесконечными сигаретами в такт важным моментам разговора. Дети притворяются быками и гоняются друг за другом. Откуда-то непременно слышатся звуки духового оркестра.

Затем фугетеш, шутиха, со свистом взлетает в воздух, распуская огненный хвост и – бум! – оставляет в небе черную кляксу. Это предупреждение: убирайтесь с улицы, прячьтесь за стены, забирайтесь на дерево – иначе встретитесь с быком.

Клеть, в которой заперт бык, ходит ходуном еще до того, как открывают дверь. Еще одна визжащая огненная шутиха, и – бум! – бык уже на свободе.

Мужчины, оставшиеся на улице (а это почти всегда только мужчины), в большинстве своем бегут прочь, стоит быку хотя бы покоситься в их сторону. Горстка других «играет с быком». Они дразнят его зонтиками и подзывают развевающимися кухонными полотенцами. Любимец толпы – мужчина, который сможет коснуться рогов, а потом бегать с зонтом кругами, по пятам преследуемый быком, и не попасться ему на рога. Эти самозванные матадоры обуты в кроссовки или шлепанцы.

Бык нередко отвлекается и нападает на дома, бодая хлипкую фанеру. Иногда всаживает рога в церковные двери или перепрыгивает через стену, и тогда старики и старухи скатываются со своих садовых кресел. Родители откидывают детей, точно футбольные мячи – прошу прощения, болаш де футбол, – прочь от быка. Такие-то моменты и считаются по-настоящему славным боем быков.

Пока мы мчались по шоссе к аэропорту – до того, как я увидела хоть что-то из этого собственными глазами, – Фрэнк показывал мне книгу, в которой говорилось, что эти бои создают «ситуации драматичные и комические, возбуждая людские страсти». Та же книга объясняла, что эта традиция, возникшая самое позднее в начале XVII века, характерна исключительно для Терсейры.

– Ты можешь в это поверить? – восклицал Фрэнк, явно до глубины души пораженный тем, что обычай собираться вместе, чтобы устроить прогон быков по городку, не превратился в повальную моду на всем земном шаре.

Я вот не сразу уловила, в чем его очарование.

– Что именно привлекает в этом людей вроде тебя? – спросила я Фрэнка, когда мы подъезжали к аэропорту.

Но тут нить истории перехватила Фернанда.

– Это все из-за того, как мы изгнали испанцев! – воскликнула она, сверкая глазами и, как Фрэнк, добавляя в английские слова соединительные слоги, из-за

которых ее речь звучала по-португальски раскатисто.

Однажды давным-давно, летом 1581 года, вся Португалия, за исключением Терсейры, перешла под контроль испанской короны. Испанский король послал десять кораблей и более тысячи солдат для вторжения на остров. (Эта часть подтверждается учебниками по истории. Некоторые считают следующую часть романтизированной легендой. Но Фернанда с такой страстью рассказывала ее, что я не могла не поверить каждому слову. В особенности потому, что историки неохотно отдают должное женщинам.)

По словам Фернанды, в судьбоносный день битвы в заливе Салга испанские войска обнаружили лишь горстку солдат, защищавших бухту. Завоеватели двинулись в глубь острова, сжигая поля и дома. Они ранили и пленили мужа и сына одной знатной дамы, красавицы Брианды Перейры. В те времена терсейранцы разводили быков особой породы, славившихся своей яростью, в кальдере – долине, образованной провалившимся внутрь жерлом вулкана, в центре острова. Брианда призвала женщин острова выгнать быков из кальдеры на берег, чтобы они напали на испанских солдат. Крестьяне шли по пятам за быками, схватив вилы и вообще все, что могло сойти за оружие. Испанцы при виде свирепых животных пришли в ужас. И бежали на свои корабли.

Поэтому, завершила рассказ Фернанда, и по сей день мужчины острова Терсейра так любят быков.

– А я вот не люблю, – прибавила она. – Фрэнк прямо напрашивается, чтобы его убили.

Это была не пустая тревога. Смертельные случаи, как ни удивительно, были сравнительно редки. Но каждый год кого-то травмировали.

В аэропорту Окленда мне показалось, что ни один из пассажиров, стоявших в очереди к стойке регистрации авиакомпании SunTrips Budget Tours, никогда не слышал о путешествиях налегке. Все тащили объемные чемоданы с подарками для родственников на Азорах. А родственники на Азорах были у каждого из пассажиров. Какая-то женщина держала коробку с живыми цыплятами. Фрэнк столкнулся с молочником из Туларе, с которым вместе рос на Терсейре. Они наперебой рассказывали мне, как вырезали машинки из кукурузных початков, потому что игрушек у них не было. И воровали фрукты, потому что голодали. Их

истории мало чем отличались от тех, что рассказывала мне мать о своем нищенском детстве в Колорадо.

Фрэнк иммигрировал в Штаты в двадцать четыре года. В 1971 году прибыл в аэропорт Фресно с долларом и пенни в кармане. Купил шоколадный батончик «Три мушкетера», а оставшиеся 76 центов до сих пор хранит в сейфе как напоминание о том, с чего начинал. Изначально он собирался заработать денег и вернуться на остров, но теперь, в свои пятьдесят шесть, уже обзавелся американскими детьми и внуками, да и сам изменился.

– Скажем так, – рассказывал мне Джо в машине, – на всех рабочих компьютерах в офисе Фрэнка стоит заставка: «Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня». А азорский девиз таков: «Если это можно сделать сегодня, то можно и завтра. Так почему не завтра?»

Пару лет назад мужчины, перестраивавшие дом семейства Серпа на Терсейре, поработав пару часов, стали собирать инструменты, чтобы пойти на бой быков. Фрэнк воскликнул: «Эй! Я же вам плачу?. Что для вас важнее – человек, который вам платит, или бой быков?» Они ответили: «Бой быков» – и ушли.

– Ой, ты б его слышала! – смеялась Фернанда. – Он так разъярился! Кричал: «Терпеть не могу этих людей. Уеду, и все тут!»

Фернанда поинтересовалась, почему я решила писать статью об азорцах, возвращавшихся на острова. Я сказала ей правду: это лишь предлог для того, чтобы больше узнать об Азорах. Мое увлечение островами начало переходить в одержимость.

– Следовало бы сделать так, чтобы газета послала тебя на Терсейру, – заметил Фрэнк.

Я ответила, что с таким же успехом можно предложить какой-нибудь местной кофейне послать официантку в Милан, чтобы она набралась опыта в приготовлении кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тамбурмажор – главный полковой барабанщик во французской и некоторых других (австрийской, русской, шведской) армиях.

2

Мифическая деревня в Шотландии, появляющаяся на один день раз в сто лет. –
Здесь и далее примеч. пер.

3

Серия катастрофических пыльных бурь, происходивших в прериях США и Канады между 1930 и 1936 гг. и вызвавших массовое бегство жителей Техаса, Оклахомы и окружающих Великих равнин в соседние регионы.

4

Военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

5

Вымышленный гигантский дровосек, персонаж американского фольклора.

6

Know Nothing Party; на вопрос о деятельности партии ее представитель должен был отвечать «ничего не знаю».

Купить: https://tellnovel.com/ru/markum_diana/desyatyy-ostrov-kak-ya-nashla-sebya-radost-zhizni-i-neozhidannuyu-lyubov

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)